

Монтепен Ксавье де

Трагедии Парижа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К86

К86 **Ксавье де М.**
Трагедии Парижа / Монтепен Ксавье де – М.: Книга по Требованию, 2022. –
859 с.

ISBN 978-5-519-97307-6

ISBN 978-5-519-97307-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Prend des pensionnaires.

Soins maternels.—Discretion.—Prix modérés.

то есть:

*Госпожа Анго
повивальная бабка
принимает пансионеровъ.*

Материнская заботливость.—Скромность.—Умѣренныя цѣны.

Приходилась ли акушерка батинольскаго бульвара родственницей легендарной рыночной торговкѣ того же имени—мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ всѣ розыски наши по этому поводу остались тщетными.

Госпожа Анго занимала весь первый этажъ, платила за квартиру очень исправно, за что и пользовалась особеннымъ уваженіемъ Виньо, *Fil-en-Quatre* тожъ.

Кромѣ вывѣски повивальной бабки, на фасадѣ дома красовалось еще объявленіе, гласившее, что надъ заведеніемъ госпожи Анго, во второмъ этажѣ, отдаются меблированныя комнаты въ наймы по мѣсячно и на недѣлю. Этимъ дѣломъ заправлялъ вездѣсущій Виньо.

Портъ въ домѣ не было. Прямо съ улицы входили въ темный, пропитанный промозглымъ запахомъ корридоръ, въ концѣ котораго была лѣстница крутая, смрадная и узкая, съ липкими ступенями, ведущая къ госпожѣ Анго и въ меблированныя комнаты.

Войдемъ въ одну изъ этихъ комнатъ, въ ту на дверяхъ которой былъ выставленъ № 4.

Убранство этой комнаты невообразимо скверно и вульгарно, почти нищенское.

Грязнѣйшія, ободранныя коленкоровыя занавѣски, нѣкогда бѣлыя, обшитыя красною каймою, скрывали на половину деревянную кровать съ двумя тюфяками. Нижній тюфякъ, набитый соломой, не имѣлъ, что называется, живого мѣста; верхній изображалъ тонкій, засаленный до невозможности, до гадости блинъ. Занавѣска, подобная тѣмъ, что висѣли надъ кроватью, разодранная во всю длину, драпировала единственное окно комнаты.

Комодъ, ночной столикъ, круглый столъ и четыре бѣлыхъ деревянныхъ стула составляли меблировку. У комода стоялъ чемоданъ;

человѣкъ, но мы скоро пережѣнимъ ее на лучшую, скорѣе чѣмъ вы думаете... Впрочемъ домъ спокоенъ... опасности нѣтъ никакой.

— Съ вами мнѣ все равно гдѣ бы ни жить, вы знаете—продолжала она—съ вами я готова перенести все! Я доказала это!.. Но быть одной, всегда одной... это ужасно!.. И потому я вѣчно въ тревогѣ, мнѣ приходятъ на умъ мрачныя мысли... Что вы дѣлаете безъ меня, куда вы вѣчно сѣзшите, гдѣ вы проводите все время?

— Мнѣ приходится бороться съ моимъ прошлымъ... Я выбиваюсь изъ силъ, чтобы подготовить лучшую будущность... Словомъ я забочусь о пережѣнѣ нашего положенія.

— И этимъ вы занимаетесь ночью?

— Почему же нѣтъ?.. Въ парижскомъ финансовомъ мірѣ дѣла ведутся день и ночь безъ перерыва.

Молодая женщина недовѣрчиво покачала головою и встала съ кровати; тутъ только можно было замѣтить что она находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности.

II.

— Клотильда, — произнесъ съ дурно скрытымъ нетерпѣніемъ молодой человѣкъ—зачѣмъ качаете вы головою? Вы мнѣ не вѣрите?.

— Да, я какъ-то невольно сомнѣваюсь...

— Увѣряю васъ однако...

— Не увѣряйте только, умоляю васъ!—прервала его съ живостью Клотильда.—Къ чему?.. Вы дѣлаете то, что вамъ угодно и не имѣете привычки давать мнѣ отчета... Притомъ я слишкомъ хорошо знаю, что давно уже не имѣю никакого вліянія на васъ. Дайте мнѣ только сказать одно: съ каждымъ днемъ мы падаемъ все болѣе, все глубже... Все потеряно, Гонтранъ,—все, кромѣ чести!. Берегитесь, чтобы и она не погибла!

Гонтранъ открылъ изящный портъ-сигаръ, вынулъ оттуда сигар и закурилъ ее.

на каминѣ, вмѣсто неизбѣжныхъ часовъ, — два мѣдныхъ подсвѣчника, отражавшихся въ зеленоватомъ тускломъ зеркалѣ, сплошь испарпанномъ женскими именами. Нацарапаны были эти имена алмазами. Чѣмъ объяснить присутствіе алмазовъ, какъ бы они малы ни были, въ подобной трущобѣ? — Сосѣдствѣмъ съ пресловутымъ „баломъ“ *de la reine Blanche* можетъ быть. Въ очагѣ камина валялись таганъ, мѣдный чайникъ, глиняный горшокъ, пять-шесть фаянсовыхъ тарелокъ, пустая бутылка, два стакана, два ножа, три „прибора“ *) изъ алжирскаго металла и небольшой запасъ древеснаго угля.

Такова декорація. Займемся теперь дѣйствующими лицами. Ихъ было двое, и никогда вѣроятно не встрѣчалось контраста болѣе страннаго и неожиданнаго между рамкою и фигурами картины.

Предъ узенькимъ, тусклымъ, будто подернутымъ туманомъ зеркаломъ стоялъ мужчина и подвязывалъ себѣ галетухъ. Человѣкъ этотъ, на видъ лѣтъ тридцати четырехъ-пяти, очевидно не принадлежалъ къ кастѣ обычныхъ посѣтителей норъ и трущобъ описываемой мѣстности. Бѣлокурые вьющіеся волосы съ легкою просѣдью на вискахъ, правильныя и тонкія черты, лицо поразительно красивое, но утомленное или скорѣе — поблеклое.

Цвѣтъ лица синевато-блѣдный, раннія морщины на лбу и у вѣкъ, впалые глаза, нижняя губа бѣлесоватая и уже отвислая, все это заставляло предполагать перевесенныя страшныя заботы и глубокія горести или жизнь проведенную среди самаго разнузданнаго, безграничнаго разгула.

Послѣднее изъ этихъ трехъ предположеній казалось самымъ вѣроятнымъ, если только справедливо то, что первое впечатлѣніе, первый брошенный взглядъ рѣдко васъ обманываютъ.

Взоръ описываемой личности производилъ тяжелое, тревожное впечатлѣніе. Въ блѣдно-голубыхъ зрачкахъ его тлился угрюмый огонь. Мракъ, нездоровыя побужденія, ненасытныя страсти должны были таиться въ глубинѣ этой души.

Онъ занимался своимъ туалетомъ съ величайшею заботливостью.

*) Вилка и столовая ложка.

Разъ десять перевязывалъ галстухъ. Оставшись наконецъ доволенъ своею работою, онъ надѣлъ отлично сшитый скортукъ, превосходно обрисовывавшій талью и всю его стройную, изящную фигуру, положилъ въ карманъ маленькій пистолетъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ, валявшихся на каминѣ, почистилъ резиною почти новыя перчатки *gris-perle* и затѣмъ, взявъ шляпу, надѣлъ ее круто на бекрень.

— Клотильда! — обратился онъ къ молодой женщинѣ, находящейся съ нимъ въ комнатѣ. — Я выхожу...

Молодая женщина сидѣла на кровати опустивъ голову на грудь, закрывъ лицо руками. Она была плотно закутана въ широкій коричневымъ пеньюаръ, такъ что изъ всей ея фигуры виднѣлись только тонкіе пальцы, бѣлые какъ мраморъ, и густыя пряди волосъ бѣлокуро-пепельнаго цвѣта.

Она медленно приподняла голову.

Много-много что ей было двадцать четыре года. Чудной красоты. она походила на ангела, но на ангела скорби. Щеки ея были такой же бѣлезны, какъ руки. Подъ этою матовою, страшно блѣдною кожею не чувствовалось ни кровинки. Впадины глазъ были свинцоваго цвѣта; вѣки — распухшія и красныя; глаза темноголубые, — подернуты слезами. Двѣ слезинки — двѣ жемчужины — висѣли на длинныхъ рѣсницахъ.

— Вы выходите... прошептала она. — Ну чтожъ, каждый день вы дѣлаете то же. Было бы странно еслибъ вы остались дома, мнѣ кажется...

— Упреки?

— Упрекъ? — Вы знаете что я вамъ ихъ никогда не дѣлаю! — Когда вы вернетесь?

— Какъ всегда...

— То есть ночью, подъ утро!.. День весь вы спите; проснетесь подъ вечеръ — опять со двора... Двухъ словъ не приходится намъ сказать между собою... Я одна почти все время, одна, здѣсь!.. здѣсь!.. повторила она и невольно вздрогнула, окинувъ испуганнымъ взглядомъ комнату.

— Чтожъ, квартира нехороша, правда. — возразилъ молодой

— Все?— спросил онъ, пожимая плечами.

— Нѣтъ еще...

— Ну, такъ поторопитесь, прошу васъ, потому что мнѣ некогда.

— Неужели въ васъ нѣтъ никакой жалости, Гонтранъ?.. Если бы вы знали какъ я мучаюсь!.. Ночью я умираю отъ страха... подъ окномъ раздаются крики, стоны... Васъ нѣтъ. я не знаю гдѣ вы... У меня какое-то предчувствіе, что съ вами случится несчастье!.. Вы не имѣете права такъ рисковать собою... Я скоро буду матерью...

— Объ этомъ не беспокойтесь, мой другъ,— возразилъ безпечно молодой человѣкъ:— я принялъ предосторожности. У меня въ карманѣ пистолетъ: худо тому придется, кто пристанетъ... Вы успокоились, надѣюсь... Теперь, мой другъ, прощайте... или скорѣе до свиданія.

— Еще одно слово, послѣднее слово, умоляю васъ... Человѣкъ внизу, тотъ, у котораго мы занимаемъ комнату, остановилъ меня вчера въ коридорѣ...

— Что ему было нужно?

— Онъ говорить, что вы ему должны за двѣ недѣли... онъ требовалъ денегъ...

— Невѣжа!

— Онъ сказалъ, что хочетъ спросить у васъ. Я удивляюсь что онъ еще не явился... поговорите съ нимъ... Избавьте меня отъ этого... заплатите ему ради Бога...

— Сегодня невозможно, но завтра... да, завтра я заплачу ему навѣрно. Мы переедемъ изъ этой мерзости въ центръ города, у насъ будетъ отличная удобная квартира покамѣстъ, пока мы окончательно не устроимся... Все это придетъ скоро, повѣрьте мнѣ...

— У васъ, значитъ, будутъ деньги?

— Да, мой другъ, много денегъ...

— Откуда?

— Счастливая спекуляція одна, которая совершенно перемѣнитъ наше положеніе... Ну, теперь мы кажется сказали другъ другу все что было нужно, не правда ли? Я уйду и постараюсь вернуться пораньше...

Гонтранъ направился къ двери.

— Вы знаете, — прошептала Клотильда дрожащимъ голосомъ, опуская глаза, — вы знаете, что у меня ничего не осталось...

— Какъ ничего? — спросилъ съ безпокойствомъ Гонтранъ.

— Ни одного су...

— Какъ?.. Уже!.. Я вамъ оставилъ однако лундоръ.

— Восемь дней тому назадъ...

— Сегодня какъ нарочно у меня ничего нѣтъ... Этого больше не случится... Возьмите на всякій случай вотъ... хотѣлъ бы дать больше... къ несчастію не могу...

Гонтранъ положилъ на комодъ серебряную монету и быстро вышелъ изъ комнаты.

Гдѣ-то пробило шесть часовъ...

Нѣсколько минутъ молодая женщина оставалась совершенно неподвижною, затѣмъ она отерла слезы, надѣла на себя нѣчто вроде шубки, закуталась, накинута капюшонъ на голову и вышла въ свою очередь купить хлѣба и сосисокъ. Только на это и хватило денегъ, оставленныхъ ей Гонтраномъ.

Октябрь былъ въ исходѣ, — въ это время рано смеркается.

Вскорѣ совершенно стемнѣло. Тутъ только молодая женщина съ ужасомъ замѣтила, что единственный имѣющійся у нея огарокъ не прогоритъ и часу.

Ей приходилось оставаться весь вечеръ впотьмахъ, не имѣя даже возможности нѣсколько разсѣяться какою нибудь работою.

Она очень страдала отъ своей беременности послѣдніе пять мѣсяцевъ. Въ эту минуту она чувствовала себя хуже чѣмъ когда либо; она легла и стала прислушиваться къ бою церковныхъ часовъ, чтобы считать время. Гонтранъ обѣщалъ вернуться ранѣе обыкновеннаго. Можетъ быть онъ сдержитъ слово. Не очень-то она этому вѣрила, но вѣдь все возможно. Она все-таки не теряла надежды и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ шаговъ на лѣстницѣ.

Время проходило. Немного послѣ полуночи усталость взяла верхъ надъ безпокойствомъ и бессонницею: Клотильда заснула тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Было уже свѣтло когда она проснулась. Молодая женщина окинула быстрымъ, безпокойнымъ взоромъ комнату. Гонтрана не было, онъ еще не вернулся.

Она встала и подошла къ окну.

Погода была пасмурная, наводящая тоску; мелкій дождь моросилъ безъ перерыва; наружный бульваръ превратился въ грязное, сѣроватое болото.

Въ комнатѣ было сыро и холодно. Клотильда тряслась какъ въ лихорадкѣ. Она закуталась плотнѣе въ пеньюаръ, присѣла на кровать, съежилась отъ холода и снова стала ждать.

— Теперь ужъ онъ скоро долженъ придти... успокаивала она себя.

— Невозможно чтобы онъ не вспомнилъ, что на нѣсколько оставленныхъ имъ су едва можно было кушать самую необходимую пищу... и какую!

Утро прошло медленно. Кромѣ безпокойства, сгряданій отъ холода, Клотильду начиналъ мучить голодъ.

Пробило двѣнадцать часовъ. Тяжелые шаги послышались на лѣстницѣ и остановились у комнаты 4-го номера. Кто-то грубо взялся за ручку двери, запертой изнутри на задвижку.

— Кто тамъ? спросила тревожнымъ голосомъ молодая женщина. Не дурныя ли вѣсти о Гонтранѣ, невольно подумалось ей.

— Чортъ возьми! отвѣтилъ хриплый голосъ. Это я, Виньо, хозяинъ дома... откройте же, наконецъ, да живо! Остаться на лѣстницѣ своего собственного дома... ну, пѣтъ! спасибо! мнѣ это не нравится!

Клотильда открыла дверь. Виньо былъ маленькаго роста, толстый, почти такой же въ ширину, какъ въ вышину. Хитрость и низость были написаны на его кругломъ, приплюснутомъ лицѣ.

На немъ была коротенькая куртка изъ сѣро-синяго сукна; синій фартукъ, какіе обыкновенно носятъ содержатели кабаковъ, стягивалъ его толстый животъ.

Онъ вошелъ съ важнымъ видомъ, едва притронулся рукою къ

своей, когда-то красной, греческой шапкѣ и развалился на стулѣ, который едва не подломился подъ нимъ отъ тяжести.

— Ну-съ, что же, матушка,—обратился онъ фамиллярнымъ тономъ къ Клотильдѣ,—можно получить?

— Вамъ будетъ заплачено сегодня, милостивый государь — проговорила Клотильда—мой мужъ проситъ меня передать вамъ, что это совершенно вѣрно...

— Вашъ мужъ!—перебилъ съ усмѣшкою толстякъ—о! вашъ мужъ!.. а мнѣ такъ кажется, что вы не очень-то были бы довольны, еслибъ понадобилось показать ваше брачное свидѣтельство!

— Милостивый государь!—вскричала Клотильда, блѣдное лицо которой вспыхнуло:—вы меня оскорбляете!..

— Ого, какъ важно!—перебилъ съ громкимъ хохотомъ Виньо—ну, что тамъ говорить, замужемъ вы, нѣтъ ли, не мое дѣло... Мое дѣло—деньги, вотъ что мнѣ нужно... Я добрякъ, это всѣ знаютъ... впустилъ я васъ сюда не спрашивая никакихъ бумагъ, потому что мнѣ заплатили впередъ за мѣсяцъ... въ книгу я вписалъ *господинъ и ѣ-жа Гонтранъ, рентье*,—странные рентье, между нами будетъ сказано! все шло отлично, пока мнѣ платили... Глупость я сдѣлалъ большую, что допустилъ васъ жить въ долгъ... возись теперь! за вами двѣ недѣли и три дня... мнѣ надо эти деньги!

— Повторяю вамъ, мой мужъ сейчасъ вернется и заплатитъ вамъ...

— *Мусье Гонтранъ!*—знаемъ мы это!—онъ попытается опять какъ пибудь вывернуться... Чортъ возьми! предупреждаю васъ, что это не удастся... Кого вздумали надувать! меня, Виньо?—нѣтъ, палишь!..

Толстякъ подошелъ къ чемодану, взвѣсилъ его и скорчилъ гримасу.

— Пустой должно быть!..

Затѣмъ онъ направился къ комоду, открылъ его и осмотрѣлъ всѣ ящики.

Этотъ послѣдній осмотръ, казалось, успокоилъ его нѣсколько.

— Много-много что хватить на уплату долга! проговорилъ онъ наконецъ. Чтожъ, какъ нибудь обойдусь и съ этими лохмотьями, дѣлать нечего!—Вотъ что: я подожду до завтрашняго утра... если до десяти часовъ не будутъ выплачены деньги, я заберу все и выгоню васъ вонъ!.. И не пробуйте выносить сегодня вечеромъ что нибудь потихоньку... не совѣтую—буду смотрѣть въ оба.

Сказавъ это, хозяинъ дома вышелъ, захлопнувъ съ шумомъ за собою дверь.

— Боже мой, Господи Боже мой!—прошептала Клотильда ломая руки, когда шумъ шаговъ кабатчика замолкъ на лѣстницѣ, — смилуйся надо мною, помоги!.. Тяжесть становится слишкомъ тяжела для моихъ слабыхъ плечъ, я не вынесу...

Клотильда горько зарыдала. Слезы нѣсколько облегчили ее. Она упала на колѣни и долго горячо молилась.

Вѣроятно ее осѣнила какая нибудь мысль, потому что она вдругъ вскочила и стала рыться въ своемъ убогомъ гардеробѣ, стараясь отыскать что нибудь менѣе потасканное.

— Да,—проговорила она—сегодня у меня хватить мужества на это... пойду.

Наконецъ ей удалось выбрать старое черное шелковое платье, измятое и истертое до крайности. Она его надѣла, надѣла черную шляпку, закрыла лицо вуалью и вышла.

Виньо караулилъ,—онъ подскочилъ къ ней.

— Забрали вы что нибудь съ собою?—закричалъ кабатчикъ угрожающимъ голосомъ.

— Обыщите, если хотите—отвѣтила спокойно Клотильда.

Толстякъ не рѣшился совершить это послѣднее безобразіе и пропустилъ молодую женщину.

III.

Клотильдѣ предстояло огромное путешествіе. Ей приходилось пройти чрезъ весь Парижъ. Такой конецъ испугалъ бы всякаго.

Бѣдная женщина ослабѣла отъ страданій, беременности, постоянной тревоги, всяческихъ лишеній и недостатка пищи. Наконецъ, какъ мы знаемъ, она еще ничего не ѣла съ утра.

Нетвердымъ шагомъ поплелась она по наклоннымъ улицамъ, ведущимъ отъ Батипольей къ центру великаго города. По мѣрѣ того какъ она приближалась къ главнымъ артеріямъ, увеличивалось необычайное движеніе, толкотня и суета парижской уличной жизни. Клотильда, которая, казалось, отвыкла отъ этого шума и движенія, совершенно потеряла голову въ толпѣ.

Переходя черезъ бульваръ, она чуть-чуть не попала раза два-три подъ экипажи; кучера не поскупились на ругательства. Она, казалось, и не слышала ихъ.

Перейдя бульваръ, она пошла тише. Дождь пересталъ, но тротуары были скользки, *жирны*, по выраженію парижскаго плебса. На каждомъ шагу Клотильда оступалась и скользила; справа, слѣва по минутно ее толкали прохожіе; чтобы не упасть, она придерживалась за все, что ей попадалось у стѣнъ.

Ей однако предстояла еще не малая дорога,—болѣе половины, потому что шла она на лѣвый берегъ *).

Поддерживаемая силою воли, она, не взирая на свою слабость, шла не останавливаясь; тѣмъ не менѣе ей потребовалось болѣе трехъ часовъ ходьбы чтобы добраться до бульвара Инвалидовъ.

Тутъ она повернула въ боковую улицу, прошла мимо длинной, высокой каменной стѣны, надъ которою плавно показывались столѣтнія деревья огромнаго сада, и остановилась у монументальныхъ воротъ.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности, она позволила. Тотчасъ же отворилась небольшая дверь, продѣланная въ

*) *Лѣвый берегъ* называется часть Парижа, лежащая влѣво отъ Сены.